

Василий Аксенов — самый американский из русских писателей: свободный, упрямый, сам себя сделавший, ненавидящий диктат и фанатизм в любых проявлениях. Он привил нашей угрюмой прозе эту вольность, жизнерадостность и неукротимую любвеобильность — в результате чего и вступил в конфликт с системой, сначала оказавшись на чужбине, а потом лишившись гражданства. 22 последних года он прожил в Вашингтоне. Но и тогда большинство коллег-ровесников, проживающих тут, признавали его самым изобретательным талантом отечественной словесности. Автор «Ожога», «Острова Крыма», «Московской саги» и нового романа «Кесарево свечение», регулярно бывающий в Москве и преподающий в Вашингтонском университете литературное мастерство, сын Евгении Гинзбург («Крутой маршрут») и муж легендарной московской красавицы, Аксенов ответил на наши вопросы из своего вавингтонского дома.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

На пути у радикального ислама два барьера — США и Россия

— Василий Павлович, тут у нас раздавались всякие голоса (в том числе, как ни странно, и главный российский мутфий сказал нечто подобное), что Америка получила по заслугам. Присвоила себе роль мирового жандарма — и получила.

— Это даже не мерзость — так говорить, это... я не знаю, как назвать такое злорадство. Да, Америка получила больше всех. Она пережила самый масштабный теракт за всю историю мирового терроризма, и не думаю, что этим дело ограничится. А досталось ей больше всего потому, что Америка сегодня — самая влиятельная сила на пути так называемого черного ислама. Говоря о черном исламе, разумею, конечно, не цвет кожи, но демонические и садистские по своей природе силы. Надо взглянуть наконец правде в глаза и сказать честно: идет война. Идет по всему миру. И это война без всяких компромиссов. Палестинцы, думаете вы, хотят попасть к своим святым местам? Нет, они даже сами проговорились о том, что идет война на уничтожение. В данный момент — на уничтожение Израиля. Полагаю, что теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне отнюдь не были простой демонстрацией силы или запугиванием. Между прочим, четвертый самолет — сбитый в Пенсильвании — летел на Белый дом. Мишени выбраны соответствующие. Вы можете сказать: неужели они всерьез рассчитывают уничтожить США? Да, рассчитывают. Потому что мозги у них куриные. И когда они шли из Чечни в Дагестан в августе 1999 года, намерения были те же — уничтожить Россию. Они искренне полагают, что это в их силах.

И потому не обольщайтесь: следующая мишень — Кремль. К происшедшему в

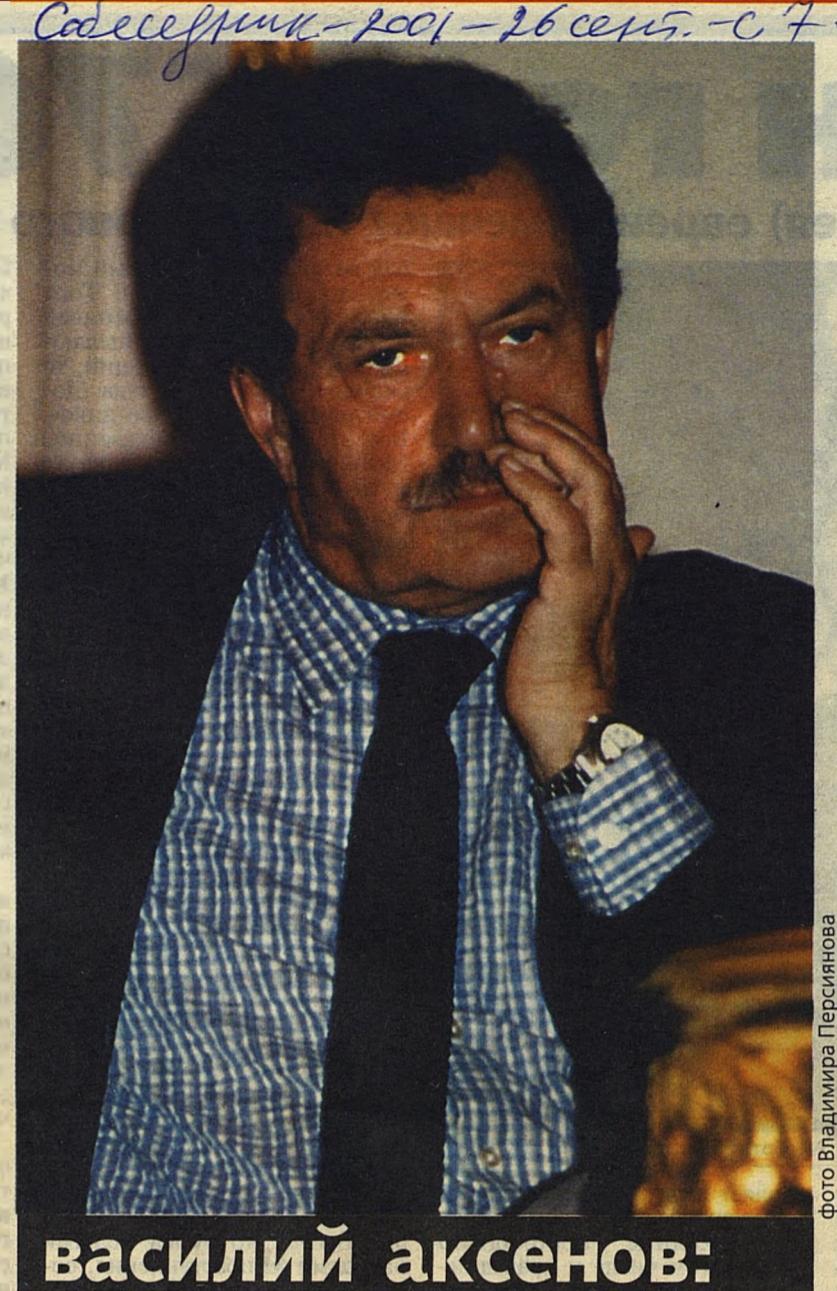

Фото Владимира Персиянова

Василий Аксенов:

«Следующая мишень — Кремль»

США надо отнести очень серьезно. На пути у радикального ислама два главных барьера — США и мы. И если у США есть надежда продержаться за счет военной и финансовой мощи, у нас вся надежда на скрытый ресурс народа и необъятное наше пространство.

А насчет «мирового жандарма»... Знаете, только в России в силу специфической ее истории это слово было ругательным. Жандарм за порядком на дорогах следит. Америка хорошо следила за порядком на мировых дорогах.

— А Сербия?

— Сербских бомбардировок я не одобрял. Это была акция недостаточно продуманная, и сами американцы — хотя и смутно — покаялись в ней. Но речь там шла о геноциде, США считали необходимым вмешаться.

Буша сейчас ругать нельзя

— Каковы ваши основные впечатления о Буше?

— Буша сейчас ругать нельзя. Я в принципе не люблю республиканцев, мне показалось недостаточно убедитель-

ным его первое выступление, но сейчас его здесь никто не упрекает. У американцев есть прекрасная черта — в минуты общенациональных бедствий сплачиваться, а не попрекать власть. Серьезный кризис, особенно внешнего происхожде-

У американцев есть прекрасная черта — в минуты общенациональных бедствий сплачиваться, а не попрекать власть. Это для России хороший пример

ния, может быть преодолен народом и властью только вместе. Это для России хороший пример — у нас бы власть не медленно сделали ответственной за происходящее.

— Интересно, а сами вы вели хоть секунду в версию о причастности Кремля или ФСБ к московским взрывам двухлетней давности?

— Никогда! Это типичная дезинформация Мовлади Удугова, подхваченная нашими дурячками. От московских терактов идет не просто чеченский след, но широкое шоссе, усы-

панное гексогеном. Теракты в Москве и Америке — явления одного порядка. И мы должны объединиться с Америкой, потому что у нас нет выхода. Я надеюсь — хочу надеяться, — что у этих чудовищных зверств будет хотя бы один жизненно важный итог: Москва и Вашингтон консолидируются в борьбе против нового всемирного зла. И заявление Путина показалось мне верным по тону.

В России до сих пор еще очень силен диссидентский взгляд на мир: либо вы против власти, и тогда вы святой, либо вы за власть, и тогда вы подонок, продажная шкура и прочая. Опомнитесь, господа, мир давно живет в совершенной другой реальности! Я не люблю наших диссидентов именно за их угрюмость и однобразие...

— Многие правозащитники опасаются теперь, что русские в Чечне получат карт-бланш. Не означают ли американские теракты, что Чечню теперь вовсе сорвут с лица земли с благословения мирового сообщества?

— Да никто ее с самого начала не собирался стирать с лица земли, и ей дали уже один раз фактическую независимость. Но ведь радикальный ислам не независимости хочет, он ведет войну на уничтожение. Речь идет не о борьбе с чеченцами как таковыми, а об уничтожении бандитов: отпустить Чечню сейчас — и они тут же вырежут всех Кадыровых, как уже вырезали Грозный в девяносто шестом году... и начнут уничтожать своих же...

— Как по-вашему: эта война, идущая сейчас во всем мире, — религиозная или все-таки гео-

было возвращение в баскетбол Майкла Джордана... Потом прошло сообщение о взрыве во Всемирном торговом центре, я включил телевизор — и увидел, как в прямом эфире ведущий новостей говорит о пожаре, а потом он срывающимся голосом закричал: «One more plain!» (Еще один самолет! — Ред.) Но когда вам говорят, что Америка охвачена паникой, — не верьте. Паники нет. Есть потрясение. Я успел провести занятие в университете, прежде чем его закрыли. В тот день я рассказывал студентам биографию Пушкина и читал его стихи — в переводе и оригинале.

— Часом не «Подражание Корану»?

— Нет, знаете ли. «Анчар». А потом посоветовал студентам посмотреть Эй-Би-Си. Я сказал им, что, пока Америка скорбит, западный берег Иордана ликует. Нескрываемо и бесстыдно. Пляшут какие-то бабы в платках, суют в камеру куски пиццы... И точно такое же ликование происходило там в день взрыва израильской диско-котеки.

Я не хочу сказать, что за теракт ответственны палестинцы. Но я хочу вас предупредить, сказал я студентам, что вы живете не в самом комфортном и благостном из миров. Вы должны знать, что ваше отчаяние приводит кого-то в восторг, и еще выше ценить такую хрупкую вещь, как совесть.

— Опасаются в Америке продолжения терактов?

— Допускают, что этим не ограничится. Больше всего боятся бактериологического оружия: в кладовых Саддама Хусейна его полно. Но вообще

поведение американцев, молодежи в особенности — очень достойное. Всю ночь у Капитолия — потенциальной мишени — стояли со свечами, как в Белграде, и пели «God Bless America!»

— Может это все стать началом ядерной войны?

— Не думаю. Не хочу этого допускать. Буш, мне кажется, скорее склонен к компромиссам. Вот Колин Пауэлл — госсекретарь — прямо сказал, что Америка не остановится перед нанесением ядерного удара. Возможно, как пропагандистский ход это сильно, но как реальная перспектива — ужасно.

— Простите за этот вопрос... Я помню ваш отъезд из России в августе 1991 года. Вы сейчас не планируете покинуть Америку?

— Я уехал из России до начала путча, билет был на восемнадцатое августа, и обо всех событиях я узнал уже в Париже. А уезжать сейчас из Америки... В отдаленной перспективе, когда брошу преподавание и выйду в отставку, я непременно буду проводить в России большую часть года. Переселюсь почти совсем. Но сейчас? Нет и нет.